

ГОЛУБЬ

Толстый голубь с площади Сан-Марко

Отошёл в сторонку от собратьев,

Посмотрел, лететь ему под аркой

Или тут остаться, сил не тратя?

Устремился взгляд его в лагуну,

А потом обратно — что он, чайка?

Под крыло себя легонько клюнул

И поковылял обратно к стайке.

Ковылял себе, вокруг туристы,

Будто птахи мелкие сновали.

Да, не будь туристов, было б чисто,

Но тогда б и корма не давали.

Ввысь стремится дура колокольня,

У собора купола, что крылья...

На Сан-Марко сыто и привольно,

Лишь галдит людская камарилья.

Только чайки с моря залетают,

И туристы всё куда-то мчатся.

А зимой тут ветры задувают,

Воды моря между плит сочатся.

Нет, конечно, можно хвост расправить,

Крыльями взмахнуть порой неплохо,

А в полёте след, шутя, оставить

Где-нибудь в районе Моста Вздохов.

И с высот почти необозримых
Кинуть взгляд на этот странный город,
Камнем вниз, на Мост Неисцелимых,
Снова вверх, в поток, чтоб ветер в ворот,
И кружить, кружить над островами,
Над Джудеккой и над Сан-Микеле,
А над Кьоджей вновь взмахнуть крылами
И на ветре лечь, как на постели.
С ветра соскочив, кружиться в сальто
(Как легко и как упруго тело!),
Передышку сделать на Риальто,
И опять в полёт пуститься смело!
Всё внизу: мосты, дома, каналы,
Сверху — солнце, рядом ветра горны.
Помечтал... И тяжело к вокзалу
Полетел. Там тоже сытно кормят.

* * *

Я припёрся к вам незванным,
Не пустой, а со стихами.
В этой глупой мелодраме
Я придусь ли ко двору?
Был приход мой глупо-странным,
Но предвиден был он вами;
По щеке скользнув губами,

Вы скользнули по ковру.
Вы застыли у окошка,
Вы прикрылись занавеской.
Не найдя причины веской,
Чтоб, откланявшись, уйти,
Я приблизился немножко
(Кровь в висках стучит стамеской,
Сердце падает отвесно),
С губ — беззвучное «Прости!».
Я никак не попадаю
В переливы настроений,
В перемены ваших мнений
Мне врубиться не дано.
Но не чувствую я, знаю,
Что в своём стихотворенье,
Как в внезапном озаренье,
Вас постигну всё равно.
Будет вечер также влажен
И неряшливо зашторен,
И над крышей, как над морем,
Ветер сгонит облака.
Только вам я стану важен,
Я войду, как входят зори;
Взгляд ваш будет мне покорен,
С губ слетит «Побудь... пока...».

* * *

Был город тих и внятен,
и вовсе ненавязчив.

Октябрь был аккуратен,
по-детски как-то вкрадчив.

Летали в высях птицы,
летели с высей листья,
тянули ветви спицы
за воздух зацепиться.

А небо нависало,
в нём облака тучнели,
и по чуть-чуть, помалу
дождейки вниз летели.

Внизу стояли люди,
они ловили капли,
и то, что дождик будет,
страшило их навряд ли.

Они ловили дождик,
они глотали воздух;
дождей не будет позже,
стихи пропустят прозу.

Они по-детски шало
за миром наблюдали,
им мира было мало-
они его не знали.

О, как редки мгновенья
природного слиянья
народонаселенья
и стихосозиданья:
когда знакомый город
становится строкою,
когда жара и холод
рифмуются с рекою,
когда дома и люди,
ритмуясь с облаками,
себя не солнцем будят,
а возникают сами!
Октябрь навеет мысли,
дожди наплачут темы,
что нам ценны не числа
и не нужны системы,
когда родней - твой город,
чем дальние столицы,
берёза у забора,
людей открытых лица.
И город снова внятен,
и снова тих и дорог,
а свет фонарных пятен
к асфальту свесил полог,
и каждая травинка

тебе давно знакома,
ноябрьская льдинка
звенит: «Дружок, ты дома!»

Нынче выдался странный июнь. В небесах
Поначалу стояло свободное солнце.
Его зной отражался на наших умах,
А лучи проникали в любое оконце.
Но потом отвернуло светило свой лик,
Занавесилось тучей, остыло дождями,
Подмигнул мне лукаво июнь-озорник,
И ухмылку свою вмиг укрыл облаками.
Мой проказник июнь закусил удила,
Зажонглировал ветром, жарой и прохладой,
От проказ его дрожь по деревьям прошла,
Город будто укрыт тополиною ватой.
Он смятенье посеял вдруг в наши умы,
Показался унылым, безмерно сварливым.
В щели окон пролез поминаньем зимы,
Он деревья качал дуновеньем визгливым.
Только изредка лучиком среди облаков
Он по городу шарит, теплом намекая,
Что на самом-то деле июнь не таков,
Что он шутит; для дела погода такая.
«Расслабляться не время!» - он мне говорит. -

«Час придёт, и ещё ты погреешься вволю.
Жизнь не ждёт и на месте, увы, не стоит,
Поднимайся, дружок!». И пошёл, балаболя:
Мол, не стоит природе во всём доверять,
Полагаться на случай, не жаждать открытий...
Растворился в июле, грозой паря
И надежду даря в горизонте событий.

ВЕНЕЦИАНСКИЕ МОСТЫ

Протяжённость изгибов,
Легато захватов,
Окружье сцеплений -
Будто сотни пар рук
В переплёте усилия камня
Ухватили друг друга
И держат.
Как тучные карлы,
Краткоруко
Цепляют друг друга за плечи
И этим
Образуют собой обережный и странный узор.
Распадаться нельзя -
Снизу жадная пропасть морская
Сотни лет дожидается,
Кто из них даст слабину.

Пропасьть неба
Безмолвно взирает с высот
На старанья венецов,
Что от бездны морской
Век из века,
При полном параде,
Презирая ветра с наводнениями,
Держат удар.
Их усилия скрыты
Под кружевом мраморных тканей,
Их изящен изгиб,
Будто вздох иль движение век.
Охлаждают накал
Мыщц-каркасов
Зелёные воды каналов,
На плечах ожерелья из храмов,
Домов и палаццо,
И, как лёгкие взмахи крыла
Некой маленькой птицы,
Кампи-площади грудью
Им всё ж позволяют дышать.
Этих братьев
Веками качают усердные волны,
Призывая все силы свои для победы над ними,
Только хватку,

Что крепче любого земного алмаза,
Ни морям, ни ветрам, никому
Не дано разорвать.
Эти братья скрипят,
Но веками над морем смеются:
Коль тонуть, так всем разом,-
И с морем их длится дуэль.
А свидетелей ушлых,
Что смотрят везде, но не видят,
Отвлекают они,
Прикрываясь красою одежд.

* * *

Я вам неудобен, я вам надоел,
И жаль вам, что вышли из моды дуэли;
Но вызвать меня вы бы вряд ли сумели,
И я бы клинка удержать не сумел.

Но всё-таки схватки меж нас не редки,
Мы бьёмся до крови, не тупим оружие:
Я совестью бью, вы - красивою чушью,
На выпады чести - цинизма плевки.

Вам часто неясны мотивы мои,
И вам невдомёк, отчего я воюю,
На что я в сердцах, почему я лютую,

Вам глупостью кажутся эти бои.

Вам дорог ваш хрупкий обманчивый мир,
И угол ваш острый спешит затупиться,
А после и вовсе в дугу превратиться,
Ничто не нарушит согласия пир.

Мне мир, где глядят лишь вперёд, не наверх,
Где с милой улыбкой протянуты руки,
Где делают вид, изнывая от скуки,
Где важен любой ценою успех,

Противен и чужд, как любви пустота,
Как птице парящей отсутствие крыльев,
Как ветру преграда, быку бандерилья,
Как аду противна весны красота.

Я буду кричать, если просится крик,
И в драку полезу, когда бьют по чести,
Неправде и пошлости, спеси и лести
Бросаю перчатку. Уж так я привык!

Куда предпочтительней кровь на кости,
Чем мир, что достигнут ценой компромисса.
Мне вправду ценнее скитанья Улисса,

Чем вашей дорогой к успеху брести.

Жить полно, дыша всею грудью, любя,

Страдая и мучаясь, с плачем и песней!

Я верю, что мне светит луч Бетельгейзе,

И манит к себе, блеском тайны слепя.

Я бой против вас не боюсь проиграть,

Затянутся раны до нового боя.

Я был, есть и буду лишь только собою,

Чтоб снова собою вам надоедать.